

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Н. М. КУРМАНБАЕВ

ЗАМЕТКИ О КАРТЕЗИАНСКИХ ОСНОВАНИЯХ ГЕНЕРАТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Когда возникает запутанная, непонятная лингвистическая концепция, необходимо обратиться к той философии, которая лежит в основе этой концепции. Как ни странно, именно неуловимостью своих основных понятий увлекла многих генеративная лингвистика, связанная с именем современного американского лингвиста Н. Хомского. Ранние работы Н. Хомского привлекали внимание небезосновательной критикой некоторых лингвистических учений прошлого. Н. Хомский выступил против точки зрения Уитни, трактовавшего язык как сумму слов и словосочетаний, а усвоение языка — как запоминание готовых словоформ и предложений. Н. Хомский посмел поставить в упрек Соссюру, что тот сводил задачу лингвистики лишь к изучению инвентаря элементов языка, игнорировал творческий аспект языка и потому не сумел проникнуть в тайны, лежащие в основе образования предложений¹. Н. Хомский отважился указать на слабые стороны структурной лингвистики, когда она еще всецело доминировала над другими лингвистическими направлениями, и даже высказал опасение, что структурная лингвистика может вылиться в изучение чистых фикций². Рецензия Н. Хомского на книгу Б. Скиннера «Речевое поведение» довольно сильно потрясла основы бихевиористской концепции речи. Все это создало Н. Хомскому репутацию лингвиста, спешащего свести теоретические счета со своими предшественниками и современниками для того, чтобы «расчистить строительную площадку» для некоторой новой, небывалой лингвистической теории.

Вначале Н. Хомский искал новые подходы к изучению языка на путях совершенствования трансформационной грамматики, которая описывала текст как нечто производное от небольшого числа ядерных или простых повествовательных предложений некоторого языка в результате их трансформации в более сложные формы предложений этого языка. Но Н. Хомский раньше многих других увидел, что трансформационная грамматика, дальнейшее развитие которой уже связывали с его именем, не ведет к познанию механизмов речи и никакие усовершенствования ее приемов не могут привести к удовлетворительному объяснению творческого аспекта речи. Это значило, что нужно менять само направление научного поиска. В этот ответственный момент чутье незаурядного ученого подсказало Н. Хомскому, что без обращения к философии ему не удастся сказать что-либо существенно новое и значительное о языке. Но к какой философии обратиться? К философии Бэкона? Декарта? Канта? Гегеля? Маркса?

¹ Н. Хомский, Логические основы лингвистической теории, сб. «Новое в лингвистике», IV, М., 1965, стр. 479.

² Там же, стр. 480.

В самый решающий момент своей научной карьеры Н. Хомский обратился к философии выдающегося французского философа, математика, физика и физиолога XVII в. Р. Декарта, в прошлом более известного под латинизированным именем Картезия. Именно картезианская философия определила направление и характер всей развиваемой теперь Н. Хомским лингвистической концепции. Понятие ядерных предложений как простейших предложений некоторого конкретного языка было отброшено; взамен появились понятия глубинной и поверхностной структуры; понятие трансформации или порождения речи наполнилось совершенно иным, чем до этого, содержанием. Так родилась генеративная лингвистика Н. Хомского.

Многие люди пытаются разобраться в том, что такое генеративная лингвистика и глубинная структура по работам Н. Хомского «Аспекты теории синтаксиса» и «Язык и мышление» и удивляются тому, до чего же это неувловимые понятия. В связи с этим необходимо обратиться к основаниям философии Декарта, которой генеративная лингвистика, по признанию самого Н. Хомского, обязана своими основаниями.

Одним из основных постулатов Декарта является принцип существования духовной субстанции, сущность которой заключена в мышлении и которая не зависима от тела. Вместе с тем Декарт признает и существование материальной субстанции, не зависимой от духовной субстанции. Дуализм Декарта был следствием его неспособности решить проблему происхождения идеального, следствием его неумения исторически, диалектически поставить и решить проблему взаимоотношения материального и идеального. Этот дуализм с необходимостью должен был привести Декарта к выводу о внеопытной природе человеческого познания, к выводу о непосредственной интуитивной данности знания вообще и наиболее общих идей и понятий в частности. Неудивительно поэтому, что интуиция оказывается центральным положением метода Декарта, известного в истории философии как картезианский рационалистический метод познания. В методе Декарта практике, опыту отводится лишь роль второстепенного, вспомогательного средства познания. При этом разум, а не опыт и не практика, является, по Декарту, единственным критерием истинности полученного наукой знания. Свое первое правило для руководства ума Декарт формулирует в словах: «...все знания в целом являются не чем иным, как человеческой мудростью, остающейся всегда одинаковой, как бы ни были разнообразны те предметы, к которым она применяется, и если это разнообразие имеет для нее не более значения, нежели для солнца разнообразие освещаемых им тел, то не нужно полагать человеческого уму какие бы то ни было границы»³.

Это основное положение рационалистического метода Декарта, родившегося в борьбе со средневековым схоластическим методом мышления и сыгравшее в свое время прогрессивную роль, впоследствии предстает как гипотетико-дедуктивный метод, разрешающий исследователю игнорировать происхождение и развитие предмета исследования. Рационалистический метод сегодня сознательно или несознательно противопоставляется диалектическому методу мышления, который кладет четкие пределы уму или познавательной деятельности человека в виде требования подходить к предмету исследования с точки зрения его возникновения и развития.

Порождением рационалистического метода Декарта явилась теория врожденных идей, согласно которой существуют понятия настолько самоочевидные, что они приобретаются не опытным путем, не через обучение,

³ См.: Р. Декарт. Избр. произв., М., 1950, стр. 79—80.

а рождаются вместе с человеком. Такие понятия при обучении могут быть лишь затемнены, «замутнены».

История философии засвидетельствовала острую борьбу философов — сторонников и противников теории врожденных идей и понятий. Эта теория, выдвинутая в XVII в. и развиваемая такими крупными философами-идеалистами, как Декарт, Мальбранш, Лейбниц, была подвергнута острой критике уже в XVII в. философами-материалистами Гоббсом, Гассенди, Локком и др. Дж. Локк доводит до конца начатое Гоббсом и Гассенди развенчание учения о врожденных идеях. В своей критике этого учения Локк умело использует данные медицины и детской психологии своего времени и богатый фактический материал этнографических исследований жизни народов стран, отставших в своем развитии. Он убедительно опровергает утверждения Декарта о том, что ребенок якобы мыслит еще в лоне матери, поскольку обладает «мыслящей субстанцией», о том, что законы логики и аксиомы математики якобы можно выявить в «незамутненном» внешним опытом виде в сознании необразованных людей⁴. Учению о врожденности идей Локк противопоставляет положение о том, что источником всех знаний является опыт, практика. Правда, Локк признает наличие врожденных задатков в виде совокупности некоторых предрасположенностей или склонностей, но никоим образом не понятийного знания.

Решительную попытку преодоления дуализма Декарта предпринимает Гегель. Он убедительно доказывает соотнесенность, диалектическую взаимозависимость и переход идеального и материального друг в друга. Философскому дуализму Гегель противопоставляет свою концепцию, согласно которой сознание и внешняя действительность по существу тождественны, так как в основе действительности якобы лежит саморазвитие абсолютного духа. Таким образом, картезианскому дуализму Гегель противопоставляет свой идеалистический монизм. Но и в системе Гегеля, как видим, сознание оказывается изначальной формой существования духа, который, по мысли Гегеля, не имеет «вне себя» никаких предпосылок, ничем не детерминирован извне, не нуждается ни в каких внешних условиях. В этом отношении точка зрения Гегеля сближается с точкой зрения Декарта. Если Декарт признавал сознание самостоятельной творческой субстанцией, существующей наряду с материальной субстанцией, то Гегель отводил сознанию, духу роль источника и творца внешней действительности.

К. Маркс переворачивает гегелевскую схему взаимоотношения бытия и сознания и противопоставляет гегелевскому идеалистическому монизму материалистический монизм, согласно которому человек имеет дело с миром вещей, не им созданных, и вынужден обращаться с предметами внешнего мира сообразно их природе и особенностям. Это умение согласовывать свои действия с природой внешних предметов, формирующее мышление человека, и является условием и предпосылкой возникновения и дальнейшего развития языка и сознания. Но что особенно важно, сознание с точки зрения марксизма есть отражение действительности и не только филогенетически, но и онтогенетически восходит к практике, к предметной деятельности человека по преобразованию природы как внешней, так и внутренней, т. е. психической природы человека.

«Перевернув» гегелевскую схему взаимоотношения бытия и сознания, марксизм преодолевает и картезианский дуализм, и гегелевский идеалистический монизм и избавляет науку от необходимости предполагать изначальность или врожденность сознания, языка и мышления. Материалистический монизм резюмируется в материалистическом диалектическом методе,

⁴ И. С. Нарский, *Западноевропейская философия XVIII века*, М., 1973, стр. 20.

который не претендует на подмену конкретно-научных исследовательских методик. Он претендует на о т к р ы т и е их как аналогов специфических форм функционирования тех явлений, которые изучает данная наука. Диалектический метод настаивает на том, что такие открытия возможны только при подходе к изучаемым явлениям с точки зрения их становления и развития. Непонимание этого, как правило, сопровождается требованием рационалистической «свободы» научного творчества, которое неизменно оборачивается интеллектуальной анархией.

Во введении к своей книге «Картезианская лингвистика» Н. Хомский приводит слова А. Уайтхеда о том, что умственная жизнь европейских народов в течение последних двух столетий опиралась на фундамент идей гениев XVII в. В связи с этим Н. Хомский полагает, что серьезное изучение параллелей между картезианской лингвистикой и некоторыми современными лингвистическими направлениями (и в первую очередь с генеративной лингвистикой) может оказаться поучительным во многих отношениях. Мы также полагаем, что сравнительное изучение картезианской и генеративной лингвистики может оказаться очень и очень поучительным.

Что же привлекло Н. Хомского в философии Декарта? Прежде всего, американского лингвиста привлекла мысль Декарта о существовании двух субстанций — материальной и идеальной.

Далее Н. Хомского привлекает исключение Декартом человека из животного мира и рассмотрение им разума человека как чего-то изначально данного. Не будучи в состоянии исторически поставить, понять и решить проблему происхождения и сущности человеческого сознания и мышления, Декарт признавал наличие разума только у человека и отказывал животным в психике и элементах разумного поведения. Этим Декарт лишил себя возможности исторически понять человеческую психику, человеческое сознание и мышление, в результате чего он рассматривал человека как явление, не имеющее ничего общего с остальным животным миром. Именно этот антиисторический взгляд на человеческую психику, сознание и мышление заимствует Н. Хомский у Декарта. В одной из своих последних работ Н. Хомский пишет: «...представляется довольно бессмысленным рассуждать об эволюции человеческого языка из более простых систем, столь же абсурдным, как абсурдно было бы рассуждать об „эволюции“ атомов из скопления элементарных частиц»⁵. Но если согласиться с Н. Хомским, то абсурдно рассуждать и об эволюции человека из низших животных форм.

В связи с этим постулируется изначальная данность и идеальной, и материальной сторон языка, причем первая, по мысли Н. Хомского, может существовать не обязательно на основе второй стороны. Так предположается в концепции Н. Хомского декартовское положение о самостоятельном существовании духовной, или идеальной, субстанции.

Глубинные структуры, по мысли Н. Хомского, как раз и являются разновидностью врожденных интерпретирующих предметы принципов.

Не ограничиваясь только пересказом идей английских, французских и немецких философов-идеалистов, Н. Хомский вносит и свою лепту в дальнейшее развитие идеалистической теории познания в современных условиях. Он пишет: «Важно подчеркнуть, что рационализм семнадцатого века подходит к проблеме познания, в особенности к проблеме усвоения языка, фундаментально неадекватным образом. Он настаивает на том, что знание возникает на основе... свойств, приписываемых уму как предпосылке опыта. Таково должно быть по существу направление мысли

⁵ Н. Хомский, Язык и мышление, М., 1972, стр. 12.

и современного ученого, изучающего структуру некоторого устройства, о котором известны только входные и выходные данные»⁶.

Таким образом, генеративная лингвистика Н. Хомского подразумевает, что речь, слышимая и видимая, порождается идеальной, существующей вне материального субстрата «глубинной структурой», которая является врожденной и лежит в основе функционирования всех многообразных языков мира.

Генеративная лингвистика резюмируется в гипотетико-дедуктивном методе Н. Хомского, этой современной разновидности рационалистического метода Декарта. Гипотетико-дедуктивный метод Н. Хомского только выдвигает гипотезы, а проверку этих гипотез и разработку или выведение категорий данной науки заменяет верой в интуицию.

Принятие Н. Хомским учения Декарта, Лейбница и Чербери о возможности внеопытного познания и попытки приложения этого учения к объяснению усвоения языка с необходимостью должно было привести его к противопоставлению этой концепции материалистической теории познания. Н. Хомский пишет: «...нормальное использование языка носит новаторский характер в том смысле, что многое из того, что мы говорим..., является совершенно новым, а не повторением чего-либо слышанного раньше, и даже не является чем-либо „подобным“ по „модели“ (в любом подходящем смысле слов „подобный“ и „модель“) тем предложениям или связанным текстам, которые мы слышали в прошлом»⁷. Совершенно верно, что многое из того, что мы говорим, является новым комбинированием языкового материала, но это новое комбинирование, вопреки утверждению Н. Хомского, происходит по моделям слышанных ранее словоизменений и предложений. В известной книге «Формирование у ребенка грамматического строя русского языка» А. Н. Гвоздев убедительно показывает, что даже такие речевые новообразования ребенка, как *кладит*, *кладил*, *машинский*, *отзаборил*, *накравивила* или себе *нос накормил* образованы по моделям слышанных ранее словоформ и предложений, по аналогии с усвоенными словоформами и типами предложений⁸.

В противоположность идеализму, материализм, как известно, признает основой познания практику. Уже Гегель вплотную подходил к пониманию того, что формой воздействия человека на предметы внешней природы является труд и что практическое действие человека материально, но он целиком оставался в рамках идеалистического понимания языка как формы изначально существующего духа, сознания.

Положение материалистической философии о роли практики как основы познания противостоит не только представлениям Декарта, Лейбница и Чербери о возможности внеопытного возникновения и усвоения человеком общих понятий, логических фигур и аксиом математики, но и представлениям Н. Хомского о возможности внеопытного усвоения языка.

Н. Хомский в своих работах отстаивает давно преодоленное марксизмом чисто натуралистическое понимание человека, согласно которому только природа определяет все человеческое в человеке. Действительной биологической предпосылкой языковой способности человека является способность к сигнальному отражению действительности, присущая почти всему животному миру. Согласно концепции знака Л. С. Выготского, над сигнальной формой отражения действительности человек надстраивает знаковую форму отражения действительности как выражение актив-

⁶ N. Chomsky, *Cartesian linguistics*, New York, 1966, стр. 65.

⁷ Н. Хомский, *Язык и мышление*, стр. 23.

⁸ А. Н. Гвоздев, *Формирование у ребенка грамматического строя русского языка*, ч. 2, М., 1949, стр. 113, 185.

ного, преобразующего отношения человека к природе вообще и к своей психической природе в частности. Знак и слово, как и средства и продукты трудовой деятельности человека, и являются теми внешними сущностями, в которых воплощаются специфически человеческие способности, которые передаются от поколения к поколению не биологически, как пение птиц или танцы пчел, а социально — через предметную деятельность и речевое общение.

Резюмируя сравнительное изучение картезианской и генеративной лингвистики, мы приходим к выводу о том, что генеративная лингвистика является попыткой вдохнуть новую жизнь в давно уже развенчанную материалистической философией картезианскую теорию врожденных идей и в преодоленное марксизмом чисто биологическое понимание психических способностей человека. Представляется неслучайным, что среди философов, на учения которых опирается создатель генеративной лингвистики, нет ни одного философа-материалиста. Все авторы, на которых ссылается Н. Хомский, известны как философы-идеалисты.

Выступая против эмпиризма в современной лингвистике, Н. Хомский может противопоставить ему только картезианский рационализм, так как для него развитие философской мысли остановилось на Декарте и после Декарта не сделало ни шагу вперед. Н. Хомский не желает ничего знать о тех огромных завоеваниях философской мысли XIX и XX вв., которые создали гораздо более могучую альтернативу эмпиризму, чем рационализм.

Итак, борьба вокруг теории врожденных идей продолжается. Эта теория в последние годы явилась в лингвистике в новом облики — в виде глубинных структур Н. Хомского и «латентных языковых структур» Э. Леннеберга. Критическое преодоление этой теории в ее новых вариантах потребует самого серьезного внимания лингвистов к великим обобщениям философской мысли XIX и XX вв., воплощенных прежде всего в диалектике Гегеля, Маркса, Энгельса, Ленина и в дальнейшей разработке диалектического метода познания в трудах современных советских и зарубежных философов-марксистов.

Материализм в лингвистике должен быть воинствующим, чтобы противостоять натиску идеализма, стремящегося к захвату авансцены теоретической лингвистики. Критическое преодоление лингвистических концепций, сложившихся вне диалектико-материалистического подхода к языку, несомненно, является одной из предпосылок успешного развития материалистической теории языка.